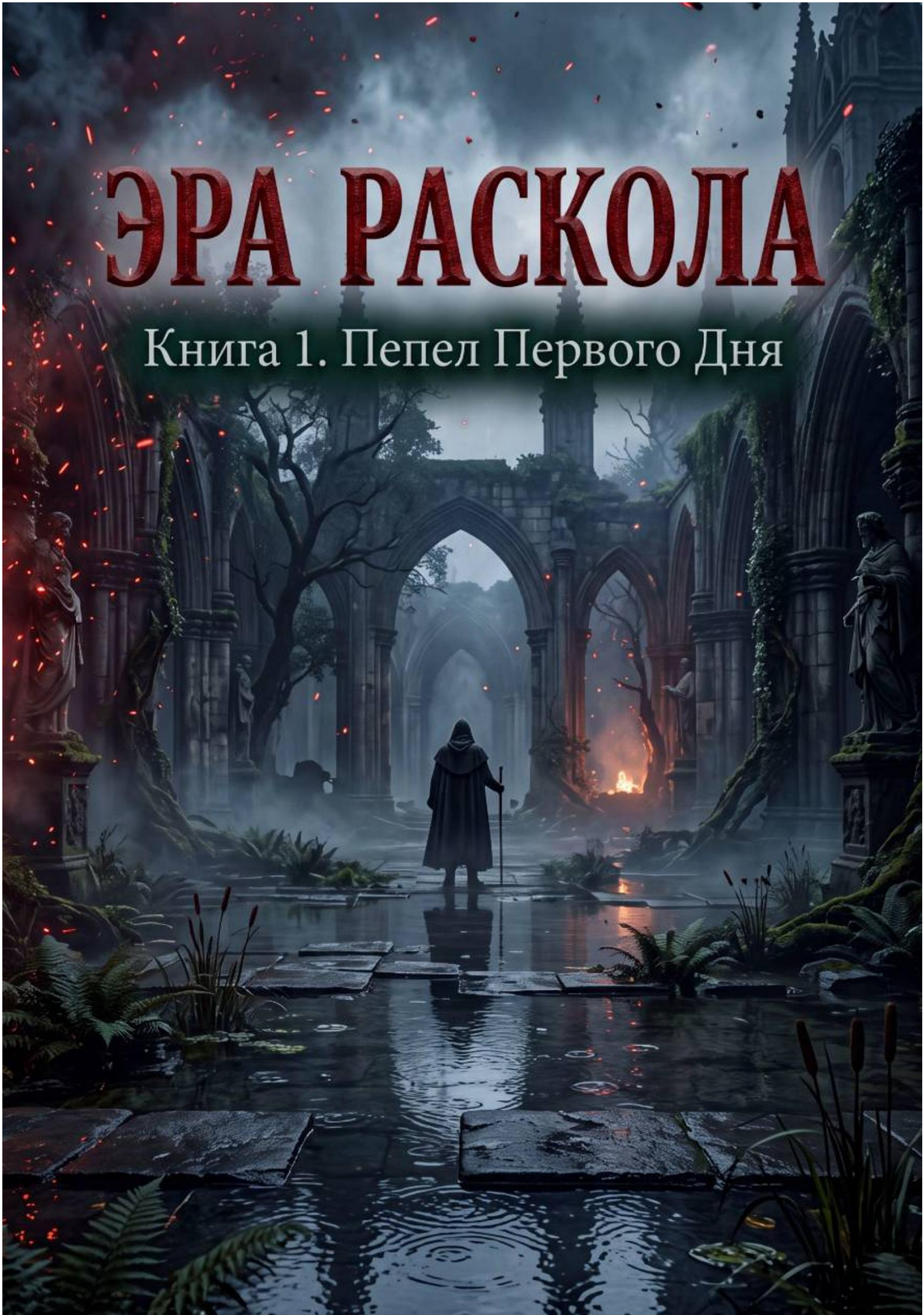

ЭРА РАСКОЛА
Книга 1. Пепел Первого Дня

Осман Алятдинов

ЭРА РАСКОЛА. Книга 1. Пепел Первого Дня.

«Автор»
2026

Алятдинов О.

ЭРА РАСКОЛА. Книга 1. Пепел Первого Дня. / О. Алятдинов — «Автор», 2026

Говорят, мир умер не с грохотом, а со стоном.За два столетия до того, как пыль въелась в кровь выживших, старая империя пробурила камень на глубину, куда не должны заглядывать смертные. Они искали вечный двигатель, бесконечную ману, вены самой земли. И нашли. Когда Сердце Мира раскололось, небо лопнуло, обнажив лиловую, сочащуюся эфиром рану, а из трещин в коре хлынула Бездна. Она не была пустотой. Она была голодной, рычащей плотью.С тех пор прошло двести лет. Слова «зелень», «океан» и «рассвет» стали фольклором бродячих сказителей. Настоящим остался только серый базальт, кристаллический туман, скрежет ржавой брони и закон пустоши: если плоть не держит сталь, сталь заберет чужая плоть.

© Алятдинов О., 2026
© Автор, 2026

ЭРА РАСКОЛА. Книга 1. Пепел Первого Дня.

САГА: ЭРА РАСКОЛАКнига 1: Пепел Первого ДняПРОЛОГГоворят, мир умер не с грохотом, а со стоном.За два столетия до того, как пыль въелась в кровь выживших, старая империя пробурила камень на глубину, куда не должны заглядывать смертные. Они искали вечный двигатель, бесконечную ману, вены самой земли. И нашли. Когда Сердце Мира раскололось, небо лопнуло, обнажив лиловую, сочащуюся эфиром рану, а из трещин в коре хлынула Бездна. Она не была пустотой. Она была голодной, рычащей плотью.С тех пор прошло двести лет. Слова «зелень», «океан» и «рассвет» стали фольклором бродячих сказителей. Настоящим остался только серый базальт, кристаллический туман, скрежет ржавой брони и закон пустоши: если плоть не держит сталь, сталь заберет чужая плоть.

Воздух в ущелье Падших Игл пах озоном, горелым машинным маслом и кислой вонью серы. Кайден сидел на обломке древней титановой балки, торчавшей из склона, словно сломанное ребро погребенного гиганта. Точильный брусок с размеренным шуршанием скользил по кромке тяжелого двуручного меча. Клинок длиной в пять футов был груб: полоса закаленной броневой стали с выбитыми вдоль дола рунными каналами. Каналы пока молчали — мана в них спала, затянутая сажей и засохшей темной сукровицей.В Пустошах клинок должен звенеть чисто. Глухой звук означает микротрещину, а микротрещина на дуэли с тварью Бездны — это смерть в течение трех секунд.Кайден опустил оселок и потянулся за флягой. Глоток горькой, отфильтрованной через уголь и кварц воды ободрал пересохшую глотку. Под плотной курткой из вареной кожи песчаного варана заныло левое плечо. Привычная, пульсирующая тупая боль. Кайден скосил глаза на свою левую руку.От кончиков пальцев до локтя она была закована в глухой латный наруч из матового темного металла, перехваченный тремя запирающими рунными скобами. Но то, что скрывалось под сталью, давно перестало быть человеческим. Плотная, смолянисто-черная кожа, волокна сухожилий, жесткие, как витой трос, и багровые пульсирующие прожилки, которые жгли изнутри холодом жидкого азота. Клеймо Ордена. Цена выживания.Кайден пошевелил пальцами в латной перчатке. Металл тихо скрипнул, отзываясь на команду нервов быстрее, чем сделала бы живая плоть. Внизу, на дне каньона, раздался треск. Кайден замер, не поворачивая головы, сливаясь с серым камнем. Его правый глаз сузился, а левый — на треть залитый непроглядной чернильной тьмой вместо белка — уловил тончайшее колебание эфира.Сквозь узкую расщелину двигался караван. Четыре тяжелых трехосных тягача на широких гусеничных траках, обвешанных коваными решетками против прыгунов. На бортах тускло светилась эмблема: перекрещенные реторта и молот — знак Алхимической гильдии Третьего Бастиона. Моторы захлебывались, выбрасывая в воздух жирные хлопья черного выхлопа.Именно за ними Кайден следил последние сутки. Пятьдесят золотых октанов за проводку каравана через полосу кристаллических бурь — плата солидная. Но гильдейские старейшины наняли собственный отряд наемников — дюжину бойцов в рунной броне с автоматическими карабинами. Кайдену отказали, бросив через губу: «Одиночек с гнилой кровью не берем».Кайден не обиделся. Он просто пошел следом по гребню каньона. В Пустоши караваны редко доезжают туда, куда планировали, а брошенные грузы и снаряжение мертвецов не требуют платы за охрану.Тягачи медленно вползли на широкую базальтовую плешь — открытое пространство между двумя отвесными скалами, поросшими россыпью сиреневых кристаллов дикого эфира.

— Идиоты, — тихо пробормотал Кайден сквозь респиратор. — Никакой разведки на гребне. Слишком громкий ход.В следующую секунду тишину разорвал звук, похожий на раскалывающийся лед толщиной в метр.Воздух над каньоном дрогнул, преломляя свет, словно от жара над костром. Из боковой расщелины, прямо из сплошной стены кристаллов, без звука

выметнулись три тени.Это были не слепые мутанты и не дикие псы Пустоши.Шестиногие твари размером с боевого быка, покрытые пластинами матово-черного хитина, из стыков которого сочился едкий пар. Ни глаз, ни пастей — лишь рассеченные крест-накрест челюстные жвала, вибрирующие на ультразвуковой частоте. Жнецы Бездны. Первая волна зачистки.

— К бою! Окружить ведущий трак! — донесся снизу надсадный крик командира наемников.Грохнул первый рунный выстрел. Яркая лазурная вспышка ударила в грудь переднего жнеца, выбив сноп искр и сколов хитин, но тварь даже не замедлила бег. Секундой позже она врезалась в решетку ведущего тягача. Трехтонную машину швырнуло вбок, словно жестяную банку. Раздался истошный крик раздавленного бойца, скрежет металла и сухой треск автоматического огня.Началась бойня.Кайден медленно встал во весь рост. Оселок исчез в поясном подсумке. Правая рука привычным, доведенным до автоматизма движением легла на рукоять меча за правым плечом.Он не собирался вмешиваться. Наемники были мертвы в тот момент, когда вошли в ущелье без факелов с белым фосфором. Но затем его взгляд упал на третий тягач — легкий бронированный фургон с закрытым кунгом.Взрывная волна перевернула машину на бок. Дверь кунга вылетела, и на камни выпал цилиндрический контейнер из закаленного эфирного стекла.Стекло треснуло. Из обломков поднялась не партия очищенной маны и не колбы с алхимической вытяжкой. На раскаленный щебень упала тонкая фигура в изодранном холщовом балахоне. Девочка, не старше четырнадцати лет, с пепельно-белыми короткими волосами. А прямо в центре ее ключицы, сквозь разодранную ткань, горел ровным, ослепительно чистым бирюзовым светом граненый кристалл, вживленный прямо в грудину.Кристалл не фонил гнилью Бездны. Он пел.Кайден почувствовал, как этот звук ударил ему в виски, а левая рука под латным наручем отозвалась дикой, обжигающей судорогой. Рунные скобы затрещали от резкого прилива давления изнутри.Жнецы Бездны одновременно замерли, бросив терзать остатки конвоя, и медленно повернули безглазые морды к ребенку.Кайден сжал зубы.

— Проклятье, — процедил он сквозь фильтр респиратора.Двуручный меч с глухим звоном покинул ножны. Рунные дорожки на стали налились тусклым багровым пламенем, откликаясь на кровь хозяина. Кайден шагнул с обрыва вниз.Кайден сидел на узком карнизе из серого крошащегося сланца и мерно водил бруском по сколу тяжелого клинка. Звук выходил скверным — глухим, с визгливым скрежетом, будто металл не точился, а неохотно сопротивлялся камню. В Пустошах все умирало медленно и дурно пахло. Небо над каньоном не знало синевы — его затягивала сплошная пепельная муть, сквозь которую слепым бельмом сочилось тусклое солнце. Этот гнилостный желтоватый свет падал на дно расселины, заваленное скелетами довоенных автострад, торчащими ребрами арматуры и холмами жирной бурой пыли. Воздух здесь был тяжелым, с металлическим привкусом пережженного машинного масла и сладковатой вонью тлеющей серы. Без респиратора через четверть часа легкие забивало влажной черной мокротой, а к вечеру человек начинал харкать кусками собственной слизистой.Кайден опустил оселок и жадно втянул воздух через клапан фильтра. В груди хрипело. Он потянулся к поясу за флягой, отвинтил крышку и сделал глоток. Жидкость отдавала тухлой болотной тиной и активированным углем, но смыла ком едкой пыли с языка.Под грубой курткой из толстой кожи песчаного варана запульсировало плечо. Боль была старой, привычной, похожей на то, как если бы под лопатку загнали ржавый тупой гвоздь и медленно проворачивали его по часовой стрелке. Кайден скосил глаза на левую руку.Она покоилась на колене — массивная, тяжелая, закованная от самых костяшек до бицепса в тусклые пластины могильного железа. Три широкие рунные скобы, врезанные прямо в металл, едва заметно светились ядовитым, лихорадочным желтым светом, сдерживая то, что клокотало внутри. Но сквозь стыки сочленений все равно пробивалась черная смолянистая плоть, покрытая мелкими влажными наростами, похожими на чешую глубоководных гадов.

Ткань под доспехом жила своей жизнью — она подрагивала, набухала буграми, а багровые вены под кожей фосфоресцировали, обжигая кости мертвенным ледяным ознобом.Клеймо

Ордена. Гниль Бездны, впаянная в плоть ради того, чтобы человек мог убивать тварей их же оружием. Кайден шевельнул пальцами. Раздался мокрый щелчок сочленений, металл скрипнул. Левый глаз, в котором белок давно растворился в мутной дегтярной жиже, неприятно зачесался под веком. Сквозь эту пелену мир выглядел иначе — блеклые руины покрывались багровой паутиной чужих артерий, пульсирующих прямо под пластами мертвого грунта.Внизу, в полукилометре под карнизом, глухо завыли моторы.Кайден прижался к камню, пачкая разгрузку серой пылью. Сквозь узкую пасть ущелья ползли четыре бронированных тягача Гильдии Алхимиков. Тяжелые гусеницы перемалывали в муку кости древних захоронений и битый кирпич, выбрасывая в воздух клубы удушливой черной копоти. Машины выглядели как железные гробы на траках: заваренные бойницы, оплетенные колючей проволокой борта, тусклые рунные обереги, намалеванные прямо поверх ржавчины запекшейся бычьей кровью. Водители спешили, выжимая из перегретых турбин все соки — они знали, что в этих расселинах темнота наступает мгновенно, а с ней приходит голод.Кайден следил за ними с рассвета. В Третьем Бастионе ему плюнули под ноги, когда он предложил клинок в охранение: гильдейские хлыщи брезговали теми, кто пахнет скверной. Они предпочли нанять дюжину наемников из банды «Железных псов» — здоровяков в засаленных куртках, обвешанных дробовиками и амулетами из сушеных крысиных голов.

Теперь эти «псы» жались к бортам головной машины, нервно вертя стволами и поминутно сплевывая на броню желтую табачную жижу. Они чуяли, что зашли слишком глубоко.Впереди, на базальтовой проплешине, где тропа расширялась, воздух вдруг потерял плотность.Сиреневые друзы эфирных кристаллов, торчащие из отвесных стен каньона, задрожали с тонким, сводящим зубы ультразвуковым звоном. Тени на камнях удлинились и неестественно изломались, поползли навстречу ветру. Мелкий щебень под колесами тягачей начал медленно подрагивать и отрываться от земли, зависая в нескольких сантиметрах над трещинами.

— Глупцы, — беззвучно выдохнул Кайден в маску. — Даже запах разложения не почуяли.Раздался звук, от которого заломило перепонки — сухой, омерзительный треск лопающейся на морозе сырой кожи, помноженный на скрежет гигантских ножниц.Стена каньона справа лопнула. Из трещины, исторгая фонтан вонючей сукровицы и мелкого каменного крошева, вывалились три туши.Это были Жнецы.Твари походили на чудовищно раздувшихся клещей размером с осадный фургон, закованных в многослойную хитиновую броню цвета запекшейся венозной крови. Шесть суставчатых лап, оканчивающихся длинными зазубренными лезвиями из мертвого черного кристалла, вонзились в базальт с чавкающим звуком. Ни голов, ни глаз — лишь слепые сегментированные морды, которые распадались на четыре костяных лепестка, обнажая бездонную глотку, усаженную сотнями мелких вращающихся крючьев. Из пастей валил желтый удушливый пар, пахнущий аммиаком и сгнившими внутренностями.

— Контакт! Огонь, суки, огонь! — сорвался на визг командир наемников.Грянул залп. Свинцовая картечь и редкие рунные пули заколотили по панцирям монстров, высекая синие искры и вонючие ошметки слизи, но для Жнецов это было не страшнее укусов слепней. Передняя тварь метнулась вперед с неестественной, кошмарной для ее веса скоростью. Удар лезвийной лапы снес кабину первого тягача вместе с водителем — железо смяло, как влажный картон, а человека буквально размазало по переборке, превратив в кашу из кишок и осколков стекла. Второй Жнец прыгнул на крышу фургона, подмяв под себя троих стрелков. Кайден сверху видел, как тяжелые жвала сомкнулись на пояснице одного из наемников: хруст костей заглушил вой сирены, и тело разорвало пополам, выплеснув на раскаленный металл ведро темной дымящейся жижи.Воздух наполнился запахом свежей крови, пороховой гари и кислоты. Выжившие наемники бросали оружие, зажимая уши и катаясь по земле — ультразвуковой писк чудовищ разрывал им слуховые каналы, заставляя кровь хлестать из носа и глазниц.Кайден оставался неподвижен. Он видел сотни таких смертей. Пустошь не знала жалости, а падальщики всегда берут свое.Но тут третий тягач, пытаясь развернуться на узком пятачке, сорвался колесами в

промоину и с грохотом завалился набок. Задние створки бронированного отсека распахнулись от удара. На камни, среди битых ящиков и осколков склянок с едкими реагентами, вывалилась продолговатая железная капсула, оплетенная толстыми замерзшими шлангами.

Защитный кожух раскололся от падения.Из ледяного пара на окровавленный щебень выкатилось человеческое тело.Маленькая, неестественно худая девочка. На ней были лишь грязные серые лохмотья больничного савана. Пепельно-белые волосы слиплись от замерзшего конденсата, а кожа была прозрачной, словно пергамент, с просвечивающей сеткой синих вен. Но страшнее всего было то, что находилось у нее в груди.Прямо над сердцем, взрезая кость и сырое мясо, из ее тела торчал граненый кристалл размером с кулак взрослого мужчины. Он не был похож на тусклые фиолетовые наросты, покрывавшие скалы Пустоши. Этот камень горел изнутри чистым, слепящим лазурным огнем, и в такт его пульсации по телу ребенка пробегали ветвистые белые молнии, заставляя тонкие пальцы девочки судорожно скрючиваться.Один из Жнецов, методично перемалывавший останки наемника, резко замер. Его сегментированная морда медленно развернулась в сторону выпавшей капсулы. Костяные лепестки пасти широко распахнулись, из глотки с шипением вырвалась струя желтоватого пара обнажая ряды игольчатых зубов. Монстр издал короткий вибрирующий звук, похожий на скрежет сминаемого железа.Два других Жнеца мгновенно бросили добычу. Их сочлененные лапы впились в потрескавшуюся породу, выбрасывая фонтанчики серой пыли, а шипастые хвосты хлестнули по воздуху. Они не просто почуяли добычу — их притягивал лазурный свет, вырывающийся из груди девочки. В их темных фасеточных глазах отражалось это неестественное сияние.

Первая тварь сорвалась с места, превратившись в смазанное пятно из черного хитина и бритвенных лезвий. До открытой платформы оставалось меньше десяти метров.Кайден не думал. В Пустоши мыслительная заминка стоила конечности или жизни — здесь действовали только рефлексы, выжженные годами охоты и выживания.

— Вниз! — хрипло гаркнул он, хотя девочка вряд ли слышала его сквозь судорожный морок.Он сорвал со спины тяжелый двуручный дробитель. Металл отозвался знакомой тяжестью, но истинная сила оружия дремала в эфирных протоках, выгравированных вдоль широкого лезвия. Левая рука Кайдена забилась мелкой дрожью. Кожа под рунными стальными пластинами перчатки вздулась, волокна скверны внутри мышц отозвались на близость лазурного кристалла острой, раскаленной болью. В ушах нарастал знакомый низкий гул, заглушающий свист ветра.«Жрать...» — глухо шепнула тьма на краю сознания.

— Заткнись, — процедил наемник сквозь зубы.Кайден перехватил рукоять обеими руками и сделал шаг навстречу атакующему чудовищу. В момент, когда Жнец взмыл в воздух, выбрасывая вперед передние серповидные жнецы, Кайден нажал спусковую скобу у гарды. Сгущенный эфир из встроенного аккумулятора вспыхнул в протоках клинка, окрасив сталь в ядовито-зеленый цвет. Кайден скрутил корпус, пропуская удар костяного лезвия в сантиметре от своего плеча, и снизу вверх всадил вибрирующий дробитель прямо в сочленение между брюхом и грудным панцирем твари.Раздался сухой треск, похожий на взрыв бревна под клином колуна.Эфирный заряд разрядился прямо внутри монстра, разрывая хитин и выплескивая наружу струи черной маслянистой жижи.

Тварь завизжала, захлебываясь собственной кровью, и ее массивное тело по инерции перелетело через Кайдена, с глухим грохотом рухнув на искореженную кабину тягача.Но времени на передышку не было.Второй Жнец уже карабкался по гусеницам платформы, а третий делал обходной маневр по скальному выступу, готовясь прыгнуть на беззащитную девочку сверху.Кайден вскинул правую руку. Наручный арбалетный механизм щелкнул, посылая тяжелый алхимический болт точно в фасеточный глаз твари на гусеницах. Наконечник с задержкой в долю секунды сдетонировал фосфорной вспышкой, ослепляя и дезориентируя зверя. Жнец забился, круша лапами остатки обшивки.В этот момент третий монстр сорвался со скалы, падая прямо на капсулу с ребенком.Кайден понимал, что не успеет добежать. Клинком

не достать, арбалет пуст. Оставался только один вариант — тот, за который Орден Пепельных Стражей без суда сжигал на очистительных кострах.Кайден рванул стопорное кольцо на запястье левой руки.Рунная стальная манжета с шипением разошлась, освобождая сдавленную плоть. Черно-фиолетовые волокна под кожей мгновенно вздулись, разорвав остатки кожаного рукава куртки. Пальцы удлинились, ногти превратились в матово-черные обсидиановые когти, источающие тонкие струйки едкого серого дыма. Боль была чудовищной — казалось, кости ломают и переплавляют заново в горне.Выбросив мутировавшую лапу вперед, Кайден рявкнул, выпуская силу наружу.Из когтей сорвалась дуга темной, искаженной энергии — сырая сила Бездны ударила в падающего Жнеца прямо в воздухе. Но вместо того чтобы просто отбросить тварь, сила скверны буквально приковала монстра к пространству, заставляя его зависнуть над платформой.

Лазурный камень в груди девочки в этот же миг отозвался яростной, ослепительной вспышкой. Две силы — первобытная тьма мутации Кайдена и чистейший небесный свет артефакта — соприкоснулись. Воздух между ними задрожал, свернулся в гравитационную воронку, и ударная волна невиданной мощи разметала остатки каравана во все стороны.Ударная волна прокатилась по ущелью глухим колокольным звоном. Многотонные обломки платформы скрежетнули о камни, а зависшего в воздухе Жнеца просто разорвало пополам: хитиновый панцирь разлетелся градом черных осколков, не выдержав чудовищного резонанса двух энергий.Кайдена швырнуло назад, впечатав спиной в оплавленный борт тягача. Дыхание выбило из легких, перед глазами поплыли серые круги, а во рту появился отчетливый вкус меди и пепла.Ослепленный фосфорным болтом второй Жнец, оглушенный взрывом, с визгом скатился по осыпи и, хромая на сломанные лапы, бросился наутек в лабиринт трещин каньона.

Пустошь вновь замерла, наполненная лишь свистом поднимающегося ветра и тихим треском догорающего алхимического топлива.Кайден с трудом поднялся, опираясь на зазубренное лезвие дробителя. Металл жалобно скрипнул.Левая рука горела огнем. Мутировавшая плоть пульсировала темными венами, обсидиановые когти медленно втягивались обратно, но ярость Бездны все еще кипела в крови, требуя добивать, рвать и крушить. Стиснув зубы до крошева, он с силой захлопнул рунную манжету обратно на запястье. Скобы с резким металлическим щелчком вонзились в огрубевшую кожу, подавляя скверну. Резкая волна очистительной боли обожгла нервы, заставив наемника опуститься на одно колено.

— Хватит... — прохрипел он, восстанавливая сбитое дыхание. — Не сегодня.Когда пелена перед глазами рассеялась, Кайден взглянул на платформу. Капсула раскололась окончательно, превратившись в груду мятого стекла и металлолома. Посреди этих руин лежала девочка. Лазурное сияние в ее груди постепенно угасало, возвращаясь к ровному, едва заметному биению, напоминающему медленный пульс спящего сердца. Молнии больше не терзали ее тело, но кожа оставалась мертвенно-бледной, а тонкие веки мелко подрагивали.Она была жива. Вокруг нее осел идеально круглый слой белой пыли — поле резонанса буквально испарило осколки и грязь в радиусе двух шагов.Кайден подошел ближе, держа тяжелый клинок наготове. В Пустоши даже дети могли оказаться смертельными приманками или живыми бомбами культистов. Но чем дольше он смотрел на кристалл, вросший прямо в кость под ее ключицей, тем сильнее холодная тревога сжимала внутренности.Это был не обычный эфирный мутаген. Форма граней камня была слишком правильной, почти совершенной, а свет... он не нес в себе разрушения.Внезапно веки девочки дрогнули и медленно приподнялись.

Ее глаза оказались удивительного, неестественно ясного лазурного оттенка — точь-в-точь как мерцающий кристаллпод ее ключицей. В них не было детского испуга или слез,только пугающая, холодная пустота, словно на Кайденасмотрел не живой человек, а забытый механизм,пробужденный после долгого сна.Она попыталась пошевелиться, но хрупкое тело непослушалось: девочка лишь судорожно вдохнула ибессильно уронила голову обратно на обломки рамы.— Кто... ты? — хрипло спросил Кайден, опуская остриедробителя к земле, но не ослаб-

ляя хватки на рукояти.Вместо ответа ее потрескавшиеся губы разомкнулись, и онаедва слышно прошептала:— Системный сбой... Протокол зачистки... отложен. —Голос звучал тихо, с легким, механическим металлическимпризвуком, словно эхо в пустом резервуаре. — Ты... неуничтожил его.Она перевела взгляд на левую руку наемника, все ещескрытую под рунной сталью. Металл наруча, вопрекиобычному холоду, слабо гудел и нагревался, вступая втихий, едва ощутимый резонанс со светом ее кристалла.Кайден нахмурился. Обычные люди в панике молились иликричали при виде скверны Бездны. Эта девочка говорила намертвом наречии древних хроник, о котором наемникслышал лишь обрывки легенд у костров Ордена.Внезапно горизонт в глубине каньона дрогнул.С юга, со стороны главного тракта Конклава, донесся тяжелый, рокочущий гул. Это не было поступью тварей —это был мерный, железный ритм многотонных дизельныхтурбин и лязг траков тяжелой бронетехники. Штурмовыеразъезды Железного Конклава шли по следам каравана.Если они застанут его здесь рядом с расколотой капсулой иживым артефактом, вопросов задавать не станут: тяжелаярунная картечь превратит ущелье в братскую могилу запару секунд.Оставлять девчонку здесь значило обречь ее навивисекцию в исследовательских автоклавах Конклава.Взять с собой — подписать себе смертный приговор иобъявить войну всей армии сектора.Кайден сплюнул темную слюну на раскаленный песок ивыругался сквозь зубы.— Проклятье на твою голову, старик Варис, — пробормоталон, вспоминая нанимателя, чье тело сейчас остывало упылающего тягача. — Твои монеты мне уже не светят.Он шагнул вперед, подхватил девочку здоровой рукой илегко поднял с металлолома. Она оказалась пугающелегкой, почти невесомой, а от ее кожи исходило ровное,сухое тепло. Девочка тихо охнула от резкого движения, ноне стала сопротивляться, лишь судорожно вцепиласьтонкими пальцами в чешуйчатый наплечник его брони.— Держись крепче, если хочешь дожить до заката, —бросил он, закинув дробитель за спину и проверивкрепление арбалета.Кайден метнулся в узкую расщелину между базальтовымискалами, уводящую прочь от дороги в лабиринт гиблыхпепельных нор. Позади, на выходе из каньона, ужепоказались первые сигнальные ракеты Конклава,озарившие ядовито-красным светом дымные сумеркиПустоши. Охота началась.Спуск в расщелину занял почти час. Когда рев двигателейКонклава окончательно потонул за многотонной толщейбазальта, Кайден свернул в полузатопленную песком нишу— старую вентиляционную шахту довоенного бункера.Здесь воздух был сухим, пахло ржавчиной, серой изастоявшейся пылью веков. Наемник опустил девочку наплоский каменный уступ, с глухим стуком скинул с плечадробитель и тяжело оперся о стену. Рунная сталь на левойруке жгла кожу, требуя охлаждения.Девочка сидела неподвижно, поджав колени к груди. Еелазурный кристалл под ключицей пульсировал медленно,угасая в полумраке.— Ну? — Кайден сорвал с пояса флягу с фильтрованнойводой и протянул ей. — Пить будешь? Или живыебатарейки не пьют?Она медленно перевела взгляд с фляги на его лицо.Пальцы дрогнули, но жестяное горлышко она перехватилацепко. Сделав два коротких, жадных глотка, она вернула флягу обратно.— Мой биологический компонент требует гидратации, —негромко произнесла она. Металлический отзвук в голосестал мягче, но интонации оставались пугающе ровными. —Спасибо.Кайден усмехнулся, скривив губы в жесткой усмешке:— «Биологический компонент»… Давно с тобой такразговаривают? Имя у тебя есть, деталь механизма?— Идентификатор партии — Л-1104, — ответила она беззапинки. Потом запнулась, ее брови слегка дрогнули,словно внутри щелкнуло реле. — Но алхимик… Варис. Онназывал меня Лирой.— Лира, значит, — наемник сделал глоток мутноватой водыи убрал флягу на пояс. — А я Кайден. Тот самый дурак,который подписался на легкий контракт и теперь должен заздорово живешь сдохнуть под гусеницами Конклава. Тыхоть понимаешь, что ты такое? Зачем ты им?— Конклаву нужен импульсный ключ, — спокойноотозвалась Лира, глядя прямо ему в глаза. — Они называютэто «Осколком Сердца». Без меня их мобильный ковчег незапустит генератор перехода. А я… я контейнер. Носительпротокола первичного резонанса.Кайден нахмурился, чувствуя, как внутри закипает глухоераздражение на эти заумные механические термины.—

Говори по-человечески, малая. Какого черта в тебеторчит осколок, если от одного прикосновения к сырому эфиру у любого здорового мужика мозги вытекают черезуши за три минуты? — Потому что я не создана по законам нового мира, — тихопроизнесла Лира. Она впервые опустила глаза на своиладони — тонкие, покрытые мелкими ссадинами от стекла.— Меня вырастили в колыбели глубокого сектора. Варисговорил… он говорил, что я последний мост. Если мостсломать, Бездна поглотит оставшиеся города.Кайден хрипло рассмеялся — коротко и без радости.— Бездна и так их поглотит. Рано или поздно. Конклавстроит свои железные коробки, пепельные жрецы режутглотки на алтарях, а твари снизу просто ждут, когда мывыбьемся из сил.— Они не ждут, — вдруг перебила его девочка.— Что?Лира подняла голову и указала тонким пальцем на еголевое предплечье, скрытое под клепаным железом итусклыми защитными рунами:— Они не ждут. Они отвечают на раздражитель. Твоярука… руны на ней фальшивые, Кайден. Они несдерживают порчу. Они лишь глушат сигнал.Кайден мгновенно подобрался, рука сама собой легла нарукоять кинжала у пояса:— Откуда ты знаешь про руны? — Я слышу их гул, — ее голос стал тише, почти шепотом.— Металл кричит от боли, пытаясь подавить то, что уже стало твоим мясом. Ты боишься ее. Ты думаешь, что внутритебя паразит, который хочет тебя сожрать. Но это непаразит.— Замолчи, — процедил наемник. В темноте его глазаопасно блеснули. — Ты не видела, как эта дрянь рвет плотьизнутри. Не знаешь, как она требует крови.— Знаю, — Лира не отшатнулась, не моргнула, выдерживаяего тяжелый взгляд. — Кровь — это топливо длярегенерации. Мир голоден, Кайден. Ему больно. Мы буримего хребет, выкачиваем соки в топки паровых машин, акогда он стонет — называем его чудовищем. Ты ведь тожечувствуешь это, когда клинок вонзается в кристаллы? Тыслышишь не рычание. Ты слышишь крик.В шахте повисла тяжелая, гулкая тишина. Лишь вдалекемонотонно капала вода, разъедая ржавое железоперекрытий.Кайден молчал. Ее слова били точно в то место, о котороммон не смел признаться даже самому себе в минуты самыхстрашных горячек от стимуляторов. Каждый раз, когда егодемоническая плоть вырывалась наружу, сквозь ярость ижажду убийства пробивалось странное, первобытноечувство — не ненависть, а невыносимая, чужая тоскаогромного умирающего существа.— Ты слишком много знаешь для контейнера,запечатанного в автоклаве, — наконец глухо произнес он,опуская ладонь от кинжала.2— Варис читал вслух дневники Первой Эры, пока шлициклы инкубации, — просто ответила Лира. — Думал, я незапоминаю. Но архив поврежден лишь частично.Она потерла виски тонкими пальцами, на ее лице впервыепромелькнула чисто человеческая усталость и слабость:— Куда мы пойдем? Если Конклав перекрыл южный тракт,на перевале нас перехватят дроны-ищейки.— К «Ржавому Шву», — Кайден повернулся к выходу извентиляции, прислушиваясь к ночной тишине. — Там сидятконтрабандисты и сломанные автоматоны. Если найдемстарого механика по кличке Грач, он сменит тебе сигнатурукристалла, чтобы радары Конклава не вели тебя, как маякна пустоши. А мне… перепаяет замки на наруче.Лира поднялась на ноги. Шагнула вперед, но колениподогнулись, и она чуть не упала — Кайден успелперехватить ее за плечо здоровой правой рукой, резковернув в равновесие.— Легче, хрупкая, — проворчал он. — Если разобьешьсяраньше времени, кто мне объяснит, почему мир кричит уменя в голове?Лира слабо улыбнулась уголками губ — первая живая, немашинная эмоция на ее лице:— Договорились, наемник. Я объясню. Только не дай имразобрать меня на запчасти.

— Л-1104, — выпалила она на одном дыхании, словноотчеканила заводской номер на станке. Но тут же осеклась,судорожно втянула воздух, и лицо ее дрогнуло: — Но…Варис… старик все время одергивал себя. Звал меняЛирой.— Лира, значит, — наемник жадно глотнул теплой,отдающей тиной воды и с глухим стуком загнал флягуобратно на пояс. — А я Кайден. Тот самый идиот, которыйкупился на обещание «легкой прогулки через каньон» итеперь гарантированно сдохнет под траками Конклава. Тыхоть отдупляешь, малая, во что меня вляпала? Что тывообще такое?!Лира не отшатнулась — только упрямо вскинулаподбородок, хотя пальцы ее мелко дрожали, цепляясь захолодный камень пола.— Я ключ! — с отчаянной резко-

стью бросила она, и вголосе прорезались звонкие, почти истеричные нотки. — Имнужен чертов ключ от их летающего гроба! Они называютэту дрянь у меня в груди «Осколком Сердца». Без него ихдолбаный ковчег — просто гора мертвого железа. А я… ядаже не человек для них, понимаешь? Просто гребаныйтермос на ножках! Контейнер!Кайден скривился, сплюнув под ноги темную слюну пополамс пеплом:— Заткнись ты со своими терминами, ради всех демоновБездны! Нормальным языком говори! Какого хрена этот камень в тебя врос и ты еще не сгнила заживо?! Да отодного прикосновения к сырому эфиру мозги через ушивытекают за пару вздохов, а ты стоишь тут и командуешь!— Да потому что меня в пробирке слепили! — сорвалаСьЛира, и ее голос эхом ударил по ржавым сводам тоннеля. Вглазах блеснули злые, беспомощные слезы. — Менявырастили в чертовой автоклавной ванне на десятомподземном уровне! Варис твердил… твердил, что яединственный мост. Что если меня убьют, этот мирокончательно сожрет сам себя! Думаешь, мне в кайф?!Думаешь, я просила зашивать этот светящийся кусок льдасебе под ребра?!Кайден опешил на секунду от ее ярости, но тут жеосклабился — сухо, зло, обнажив зубы в невеселом оскале:— Да плевать этот мир хотел на мосты, девочка! Он ужесдох, просто забыл упасть. Конклав гребет под себя остаткижелеза, фанатики на алтарях глотки режут, а твари снизутупо ждут, пока мы перегрыземся насмерть.— Да не ждут они нихрена! — крикнула Лира ему прямо влицо, сделав шаг вперед.— Чего?!— Не ждут! — она ткнула дрожащим пальцем в его левуюруку, затянутую в клепаное железо и испещреннуюпотухшими бороздами рун. — Они защищаются, идиот! Оттебя! От них! От всего этого железа! Твои руны… ты хотьзнаешь, как они визжат у меня в ушах?! Они липовые! Они не спасают от скверны, они просто вбивают кляп воткрытую рану!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.